

КЛАССИКА
ЖИВОПИСЬЗавтра в Третьяковке
открывается выставка Айвазовского«ДЕВЯТЫЙ ВАЛ»
ДОКАТИЛСЯ ДО МОСКВЫ

Дарья АКИМОВА

Наверное, Ивана Айвазовского можно не любить — после всего того, что он сделал для процветания бесконечных клонированных маринистов с московского Арбата.

Но Ивана Айвазовского (1817—1900) невозможно не любить после того, как солнце на твоих глазах сядет в море и при тебе разделит пополам мир — на золотой воздух и прозрачный голубой мрак.

Но Ивана Константиновича Айвазовского невозможно не уважать, если задуматься над тем, что он один сделал слово «Russia» более известным и уважаемым, чем Петр Первый и Пушкин вместе взятые. Это Айвазовский стал вторым после Ореста Кипренского художником, который был выставлен в галерее Уффици. Это его, юного, принимали в бесчисленные заграничные академии. Это благодаря работам «под Айвазовского» многие нищие художники смогли выбраться из нищеты (и еще лет двести этим способом можно будет пользоваться). На Крымском Валу насладиться его работами можно будет сполна — большинство выставленных картин малоизвестны, и вечно портящий праздники эффект узнавания сработает только в случае с особо продвинутой публикой. Исключения будут. Например, выставят «Девятый вал» 1850 года из собрания Русского музея, снискавший дополнительную славу в году двухтысячном: после гибели «Курска» название этого полотна непре-

Иван Айвазовский. «Девятый вал». 1850

менно фигурировало в газетных заголовках. Для живописца Главного морского штаба России — оскорбительно. Для романтика, мечтавшего о мировой гармонии, — очень больно.

Впрочем, сам он свою гармонию благополучно сыскал — и не только в дальних странах. Айвазовский, сын коммерсанта, в свое время со вкусом устроился в Феодосии (ныне городе со стабильной художественной репутацией) и основал там картинную галерею. В Феодосии ему не нужно было метаться в обычных для северянина трагических поисках света и красок для своих полотен.